

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 141

Е.В. Пашинцев

Челябинский институт путей сообщения, г. Челябинск

**ЕВРАЗИЙСКАЯ «РАЗВИЛКА» ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ
МАГИСТРАЛИ**

Обычно в поисках подходящей исторической аналогии Октябрьскую революцию, с которой начинается история евразийского «эксперимента», сравнивают с Великой французской революцией. Однако при ближайшем рассмотрении становится понятно, что два крутых поворота мировой истории никак не укладываются в единый социально-исторический масштаб. Если Французская революция, несмотря на радикальность своего политического «дискурса», всего лишь заменила одну классовую форму социального неравенства другой, то Октябрьская революция сумела «отключить» на целое семидесятилетие сам феномен социального неравенства. По крайней мере, в той его части, где речь идет о непосредственной эксплуатации человека человеком. Напрашивается неизбежный вывод: для адекватной теоретической оценки евразийского «эксперимента» требуется историческая аналогия гораздо большего цивилизационного масштаба.

Свободный от политической ангажированности социологический анализ показывает: история мировой цивилизации прошла через две «экспериментальные площадки» – это античная цивилизация и первая цивилизация планового типа. Естественно, что в обоих случаях наблюдается смена вектора мирового исторического развития. Если античная «развилка» восточной магистрали означала переход мировой истории от господства первобытной материальной культуры к доминированию нового – **социального** – типа культуры, то евразийская «развилка» теперь уже западной цивилизационной магистрали является ни чем иным как переходом мировой истории от господства социальной (институционализированной) культуры к доминированию нового – **духовного** – типа культуры. И в самом деле: решительный отказ пролетарской революции от одной из фундаментальных

форм социального неравенства – неравенства экономического – несет в себе духовный потенциал огромной исторической силы. Не случайно современный российский философ А.С. Панарин в разделе «Кем же был “советский человек”?» своей последней книги (2004) сделал опережающий наше время вывод: «Чем больше исторически удаляется этот человек от нас, тем крупнее, масштабнее выступает его фигура. Несомненно, здесь по-своему действует гегелевский закон "отрицания отрицания": крайности либерального отрицания этого типа выглядят все менее убедительными, и к советскому человеку приходит историческая реабилитация».

Проведем социологический вектор через две «экспериментальные площадки» мировой истории. Мы увидим, что между умирающей первобытной материальной культурой и зарождающейся всеобщностью духовной культуры простирается громадная эпоха цивилизованной истории. Прогрессивный характер цивилизации заключается в том, что, начав производить свои общественные отношения с помощью социального «инструментария», люди перестали зависеть от природы не только в материальной сфере, но и в сфере общественной организации. Кровнородственные связи становятся вторичными по сравнению с могущественной системой социальных институтов. Регрессивный характер цивилизации вырастает из того же инструментального источника. Увеличив мощь коллективного общения, цивилизованное общество попало в зависимость от собственного социального инструментария. Если обычные материальные орудия способны деформировать лишь человеческие руки, то институциональные орудия деформируют человеческие души, пробуждая в них алчность, вероломство, властолюбие, тщеславие и все остальные смертные грехи «общечеловеческой» природы. Невольно вспоминаются пророческие слова Л.Н. Толстого, записанные им в дневнике: ««Если русский народ — нецивилизованные варвары, то у нас есть будущность. Западные же народы — цивилизованные варвары, и им уже нечего ждать. Нам подражать западным народам, все равно как здоровому, работающему, неиспорченному малому завидовать парижскому плешивому молодому богачу, сидящему в своем отеле» (Толстой, 1937. С. 233).

В 1917 году «нецивилизованные варвары» России попытались подчинить своей пролетарской воле стихийно-консервативную и своекорыстно-монотонную власть социальных институтов. Однако марксистская идеология смогла показать лишь то, как можно расщепить «ядро» социального неравенства, но не то, как справиться с его термоядерной энергией. Бесценный для новейшей истории урок евразийского «эксперимента» состоит в обнаружении того, что под оболочкой экономического неравенства скрывается более глубокий слой социальных отношений – неравенство политическое. Обеспечив через акт национализации равное отношение индивидов к средствам производства, советские граждане не сумели обеспечить (в силу первоначального господства рабоче-крестьянского менталитета) равные социальные права в отношении к средствам хозяй-

ственного и государственного управления. В результате страна прошла через ужасы «первоначального политического накопления», связанные с формированием жесткой вертикали власти.

Тяжелейший для нашей коллективной памяти моральный груз, накопленный в ходе политического самоистребления власти и народа, не имеет и не может иметь никакого нравственного оправдания. Но в железобетонном скрежете тоталитарных конструкций профессиональная социологическая мысль обязана разглядеть определенную историческую логику. Дело в том, что Россия в лице Советского Союза прошла до конца весь исторический путь, подготовленный великими цивилизациями Востока. Могучая деспотическая воля государственного «целого» при пантеистическом равнодушии к судьбе отдельной человеческой «песчинки» – вот основная историческая траектория Востока. Советская история показала: такого могучего государства, полновластно распоряжающегося всеми материальными и духовными ресурсами общества, еще никогда не существовало на исторической арене. Таким образом, евразийская «развилка» западной цивилизационной магистрали обнаружила высочайший взлет и одновременно исторический тупик в развитии восточного крыла мировой цивилизации.

А что мы видим в западном социокультурном полушарии? На этапе современного постиндустриального общества Запад достиг исторического апогея в развитии индивидуалистической формы социальной активности. Цивилизационная логика «части» подошла к своему естественному историческому завершению, раздробив историческое пространство на три качественно несоединимых социальных сегмента. Пока наши обществоведы неутомимо муссируют тезис о формально-юридическом разделении властей, западная цивилизация успела завершить куда более серьезную историческую процедуру, перейдя от формального к содержательному разделению властей. Сюжет этой драматической истории прост: когда в эпоху империалистического кризиса экономическая власть монополий захлестнула своими желудочными соками буржуазную политическую власть, от практической политики отделилась политическая идеология и благодаря институту политических партий превратилась в самостоятельную идеологическую власть. В результате экономическое давление монополий на политическое «кормысло» было навсегда уравновешено «общенациональным» идеологическим давлением, а империализм превратился в более уравновешенное постиндустриальное общество.

Но возникновение нового самостоятельного типа власти привело к тому, что традиционно независимая сфера духа попала под тотальный контроль политических партий и средств массовой информации. Возникло столь же тупиковое, как и на Востоке, инструментальное тождество цивилизации и культуры, для которого характерно господство «одномерного» человеческого мышления. Прислушаемся к мнению немецкого философа Г. Маркузе (1898-1979): «Одномерное мышление систематически насаждается изготовителями политики и их заместителями в сфере массовой ин-

формации» (Маркузе, 1994. С. 19). Возникает неразрешимое противоречие: западная цивилизация, втянувшая в свою орбиту сферу духа, не способна развиваться стихийно, а сознательное ее развитие, связанное с расширением духовного пространства культуры, невозможно по причине тотального «плюралистического» контроля. В этой ситуации остается лишь торжественно заявить о «конце истории», что и не замедлил сделать американский социолог Ф. Фукуяма (2004).

Возвращаясь из краткого социологического экскурса к отеческим пенатам, мы становимся свидетелями завораживающей исторической картины. А именно: в современной России, торопливо возвращающейся в респектабельное общество, вплотную сошлись два великих полюса мировой цивилизации, сошлись именно тогда, когда оба полюса достигли тупика в своем развитии. Возникает драматический для евразийского сознания вопрос: а существует ли рациональный выход из ситуации двойного социокультурного иррационализма?

Ответ, как не трудно догадаться, наполовину иррациональный: для России с ее «нецивилизованным варварским» населением выход существует. Радикальное концептуальное решение «восточно-западной» проблемы подсказывает безобидная на первый взгляд русская матрешка как символ синтетической природы нашего национального мышления. Если западный тип культуры расчленяет социальное пространство, демонстрируя «мирное сосуществование» экономического, политического и идеологического неравенства людей, то евразийский тип мышления настаивает на поэтапном уничтожении самого феномена социального неравенства. Обнаружив под оболочкой экономического неравенства более глубокий слой социальных отношений, последовательная теоретическая мысль обязана подумать, каким образом совокупная воля общества способна уничтожить политическое неравенство людей – неравенство управляющих и управляемых. Для этого необходимо заменить два морально устаревших социальных института – институт частной собственности и институт номенклатурного отбора кадров – более демократичным и не менее фундаментальным институтом самоуправления.

Будет ли этот радикальный социальный шаг очередной, теперь уже посткоммунистической утопией? Современная социологическая мысль способна предсказать, что под оболочкой политического неравенства обнаружится последний и самый глубокий слой социальных отношений – неравенство идеологическое. Ведь в конечном счете любая форма социального насилия является насилием над человеческой мыслью. Но чисто идеологическая власть как символ вырастающей снизу совокупной воли общества – это такой общественный Порядок, в рамках которого инструментальная мощь социальных институтов уже не сможет быть «узурпирована» индивидуальными или корпоративными социальными интересами. С этого момента нравственно сплоченная воля общества будет в состоянии контролировать культурное качество цивилизации.

Структурно-функциональную «развертку» феномена социального неравенства было бы логично дополнить его исторической ретроспективой. Социологический анализ показывает: переход к цивилизованному обществу, т.е. к эпохе социального неравенства, начинается с установления неравенства идеологического типа. Дело в том, что цивилизации Древнего Востока складывались не как на Западе – через глухую и безжалостную институционализацию сознания, – а как результат расщепления единой первобытной культуры на «элитарную» культуру управляющей общины и «массовую» культуру земледельческих общин. Жестокость деспотического государства объясняется также идеологической причиной: господствующая «элитарная» культура не могла в силу своей первобытной локальной природы охватить совокупное ментальное пространство единой системой ценностей. Это до сих пор не удается и зрелой западной цивилизации.

Второй этап цивилизованного порабощения человека связан с формированием политического неравенства. Здесь мы сталкиваемся с давним заблуждением историков. А именно: юная античная цивилизация заслужила название «рабовладельческой» не потому, что опиралась на труд рабов, а потому, что свободные землевладельцы заслонились государством от стихийно формирующегося имущественного неравенства. Запретив рабство внутри античного полиса, древние греки (также как римляне времен республики), впервые узаконили рабское положение иноплеменников, породив тем самым инструментальное отношение человека к человеку.

Разложение античной цивилизации породило в восточных провинциях римской империи мощный духовный всплеск, получивший название раннего христианства. Именно христианская идеология, сумевшая подняться над племенной ограниченностью первобытного мифа, обеспечила возможность складывания феодального общества, основанного на экономическом неравенстве. Дело в том, что без религиозной идеологии феодальные институты не способны обеспечить целостность социального пространства. Только в рамках классического буржуазного общества происходит полная институционализация общественной жизни.

Как видим, цивилизованное общество прошло через три основных ступени закабаления человека, начиная с идеологического неравенства, узаконив его политическими средствами и материально закрепив с помощью экономического неравенства. Освобождение человечества от анонимной власти социальных институтов идет в обратном направлении. Первый этап гуманизации всемирной истории – это уничтожение экономического неравенства, связанное с отменой института частной собственности. Этот простой научный вывод позволяет разглядеть за неизбежной культурной «шероховатостью», социальной прямолинейностью и классовой непримиримостью Октябрьской революции ее действительное всемирно-историческое значение. Ближайшее десятилетие покажет: сумеет ли современная Россия превратить евразийскую «развилку» цивилизационной

магистралей в новое – духовное – направление всемирной истории или же останется плутать в закоулках материального гламура, ослепленная целлофановым блеском «общечеловеческих» ценностей?

Список использованной литературы

Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. Пер. с англ. М.: REFL-book, 1994. 368 с.

Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм-ЭКСМО, 2004. 640 с.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 55. М.: Гослитиздат, 1937. 648 с.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. Перевод с английского М.Б. Левина. М.: «Издательство АСТ», 2004. 588 с.

Рецензент статьи: доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии Челябинской государственной агроинженерной академии В.И. Гладышев.